

painstaking objective study of an enormous mass of sources which are themselves complicated and hard to interpret. A priori «theories» are speculative constructs divorced from the concrete data of the sources. It is clear, anyhow, that the societies of the Ancient Orient were not feudal societies, nor were they based on the «Asiatic mode» of production, since the latter presupposes the absence of private property in land, the presence of which has been established for all the societies of the Ancient Orient. Neither were these slave societies of the type found in Greece and Rome. V. V. Struve called the Ancient Oriental societies early slave societies, pointing out that ancient slave society was a historical phenomenon and as such had its beginning, culmination-point and decline. The beginning he saw in the societies of the Ancient Orient, and he presented many interesting arguments in support of this view. However, very many aspects of early slavery — such as, for example, the mode of exploitation, the relative importance of slave labour in the economy as a whole — have still been far from sufficiently illuminated, and there is still no quite satisfactory answer to the question as to just what «early slave society» is, in itself and in its relation to the process of social evolution in the Ancient Orient.

Армин Ейне

ПТОЛЕМАИДА И ЕЕ МЕСТО В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ПТОЛЕМЕЕВСКОГО ЕГИПТА

ПТОЛЕМЕИ в отличие от соседних Селевкидов отказались от колонизации Египта путем основания греческих городов-полисов. Это и не было необходимостью. Египет представлял собою весьма централизованное государство с прекрасно налаженной системой управления, которую Птолемей полностью переняли от своих предшественников и лишь немного модифицировали ее с учетом греко-македонского опыта. Чрезмерное распространение городской автономии греческого образца таило в себе опасность разрыва этой государственной целостности.

Единственным греческим полисом, основанным Птолемеями в Египте, была Птолемаида — «самый крупный из городов Фиваиды»¹. Неправильно было бы назвать исключением в традиционной политике Птолемеев основание этого города на юге страны, наоборот, оно было вполне закономерным. Это становится особенно ясно, если учесть, что обособленность Фиваиды, ее удаленность от государственного центра слишком затрудняли управление этой областью и препятствовали эффективному контролю над ней. Проблема ее управления стояла перед Птолемеями так же остро, как и перед египетскими фараонами². История эллинистического Египта ярко показывает, что центральной власти неоднократно самым серьезным образом приходилось налаживать отношения с отдаленной областью Фиваиды, которая к тому же была очагом постоянных смут и центробежных сил.

Птолемей I, зная о неустойчивости связи Фиваиды с Александрией и стремясь предотвратить возможные осложнения, основал на юге Египта греческую колонию³. Она была организована как полис, который получил имя своего основателя. Птолемаида стала центром управления Фиваидой, усиливая там влияние центральной власти. Птолемей решил опереться на греческое население, получившее в полисе свое государственное-правовое определение, для укрепления своей позиции в южной части Египта⁴ — «завоеванной копьями страны». Греки, противопоставленные уже через одну лишь полисную организацию туземцам, в свою очередь нуждались в поддержке сильной центральной власти и были готовы оказать этой власти

¹ Strabo, XVII, 4, 42.

² За исключением Нового царства, когда Фивы были столицей Египта.

³ SIG, III, 4925 Πτολεμαῖδος, ἡ ἐπὶ[λ]ισσεν Σωτήρ Ἑλλήνων Νίλογενίς τέμενος.

⁴ P. Grimal, Der Hellenismus und der Aufstieg Roms, Frankfurt am Main, 1965, стр. 176: Птолемаида — греческий центр в противовес египетским Фивам.

свое содействие. Значение Птолемаиды как проводника воли царя и его опоры особенно возросло в связи с теми социальными волнениями, которые имели место в Фиваиде в первой половине II в. до н. э. Птолемеи вряд ли решились бы в такой момент лишить город его внутренней автономии, как это предполагает П. М. Майер⁵. Ведь это означало бы лишать себя союзника в обстановке, когда туземное население восставало против центральной власти. Кроме того, право иметь свою полисную организацию служило своего рода приманкой для привлечения возможно большего числа греков-поселенцев⁶. Меньшая степень ее эллинизации была другой особенностью Фиваиды⁷. Здесь существовала опасность того, что греки, не имея политической полисной консолидации, быстрее могли ассимилироваться с местным населением.

Основывая этот полис, Птолемей I создал по подобию Александрии своеобразный административный узел на юге своего государства. Ту роль, которую Александрия играла на севере, на юге выполняла Птолемаида. Но ставить знак равенства между обоими городами было бы нарушением исторической действительности. Александрия — столица всей Птолемеевской державы, и именно ей принадлежал приоритет в эллинистическом Египте. Жизнь полиса Птолемаиды теснейшим образом была связана с судьбой всей страны и определялась тем особым положением, которое область Фиваиды занимала в системе общегосударственного управления Египтом.

Фиваида была самой крупной и наиболее самостоятельной административной единицей⁸ эллинистического Египта. Во главе ее управления стоял стратег⁹ — прямой представитель царя на юге страны. Он пользовался — по сравнению с другими стратегами — относительной независимостью, вызванной военными полномочиями, данными ему центральной властью¹⁰. В его распоряжении были значительные военные силы. С 207/06—187/86 гг. до н. э. Птолемеи фактически лишились своего влияния в Фиваиде¹¹. Во время сильных социальных движений¹² Птолемеем V Эпифаном была предпринята административная реформа и учреждена эпистратегия¹³. Частое совмещение должности эпистратега и должности стратега Фиваиды¹⁴ дает повод предположить, что именно неурядица в южных областях

⁵ Р. М. Мейер, *Das Heerwesen der Ptolemäer und Römer in Ägypten*, Lpz, 1900, стр. 59.

⁶ J. P. Mahaffy, *The Empire of the Ptolemies*, L., 1895, стр. 80.

⁷ К. К. Зельин, *Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I вв. до н. э.*, М., 1960, стр. 229.

⁸ О Фиваиде, как об особой административной единице, мы узнаем из P. Rev. Laws (col. 31, 14; 72, 18) — 259/58 г. до н. э.

⁹ Хотя прямых свидетельств о существовании в III в. до н. э. должности стратега Фиваиды нет, но по P. Rev. Laws (259/58 гг. до н. э.) Фиваида выделяется как особая административная единица; на основании этого Бенгтсон считает, что должность стратега является единственно вытекающим из такого положения дел фактом (H. Bengtson, *Die Strategie in der hellenistischen Zeit*, Münch., 1952, стр. 95—98). Первый известный нам стратег Фиваиды — Феомнест — *Thmwmntss a: wn srsqws n p ts Ne* (демотический папирус Dem. Pap. Brit. Mus. 10591 — H. Thompson, *A family archiv from Siut*, Oxf., 1934, Recto col. I, 23; III, 7, 12, 13; IV, 22; IX, 16), Pap. Lond. III, 610: *Θεόμνηστος τὸν τὸν στρατηγόν*.

¹⁰ Bengtson, *ук. соч.*, стр. 104; на стр. 189 он особенно подчеркивает военный характер стратегии Фиваиды.

¹¹ Зельин, *ук. соч.*, стр. 367.

¹² Mahaffy, *ук. соч.*, стр. 290: о войне Птолемея V Эпифана с эфиопами у Агарфархиды Книдского (II в. до н. э.) см. Agath. Dem. Erytr. FHG, 11—20 (Мюллер).

¹³ Приблизительно с 187/86 гг. до н. э. — см. Bengtson, *ук. соч.*, стр. 95. Первый известный нам эпистратег — Гиппал (176/75 гг. до н. э.) — Pap. Tebt. III, 778; OGIS, I, 103.

¹⁴ *ἐπιστράτηγος καὶ στρατηγός τῆς Θηβαίδος*. SB, II, 2264, 3448; IV, 4638; OGIS, I, 186, 190; Pap. Giss. I, 36, 1; 37; II, 24; см. Bengtson, *ук. соч.*, стр. 100 сл.

страны вызвала необходимость в такой дополнительной и вначале экстраординарной должности, очевидно, впоследствии ставшей регулярной¹⁵.

Эпистратегия, хотя охватывала всю египетскую хору¹⁶, должна была главным образом восполнить пробел в организации Верхнего Египта, усилить там государственный надзор и еще больше укрепить связь Фиваиды с политическим центром в Александрии. Думается, что эпистратег исполнял прежде всего контрольные функции и был чиновником с чрезвычайными полномочиями¹⁷, в первую очередь военными¹⁸. Соединение должностей непосредственного представителя царя во всей египетской хоре и прямого царского представителя в Фиваидском номе, концентрация в руках одного лица чрезвычайных полномочий эпистратега и постоянных — стратега Фиваиды несомненно повышали политический вес царского чиновника и укрепляли позицию центральной власти на юге Египта.

Местом пребывания стратега Фиваиды была Птолемаида. Очевидно, здесь размещалась и канцелярия диойкета Фиваиды, представителя центральной власти по хозяйственным делам. Он был первым среди других диойкетов южных районов страны и являлся связующим звеном между ними и центральной властью, полный его титул — «ὁ διοικητὴς τῆς Θηβαΐδος καὶ τῶν ἄλλων τῶν προσκυρόντων τόπων»¹⁹. Адресованное ему письмо из Александрии диойкет Фиваиды в переписанном виде направляет остальным, вероятно, подчиненным ему диойкетам (там же). Кроме этого чиновника, существовал еще βασιλικὸς γραμματεὺς τῆς Θηβαΐδος²⁰. Должность трапезита и ситолога²¹ Фиваиды также свидетельствует о сильно централизованном управлении этой областью.

Как эти непосредственные представители царской власти, которые, по всей вероятности, постоянно находились в Птолемаиде, уживались с полисной администрацией, рассмотрим ниже. Хочется здесь лишь еще отметить, что в Птолемаиде стратег Фиваиды занимался и судопроизводством. Разбирал он тяжбы не граждан греческого полиса, а жителей фиваидской хоры. Мы узнаем из одного демотического документа, что обвиняемого, о котором идет там речь, предписывалось отправить в Птолемаиду²². Стратег, по-видимому, выступает здесь в роли чрезвычайного судьи²³, хотя в его руках могло быть и постоянное правосудие²⁴. В Птолемаиде находился во II в. до н. э. ἀγρεῖον хрематистов. Кроме того, в городе пребывали δικασταὶ для Ранополиса и μεμερισμένοι τόκοι²⁵. Это дает Шубарту повод считать, что выборы δικαστήρια в городе, о которых мы знаем в

¹⁵ Bengtson, ук. соч., стр. 123.

¹⁶ Птолемеевская эпистратегия по своей сущности отличается от трех римских эпистратегий в Делте, Гептаномии и Фиваиде (Th. Skeat, The Epistrategus Hippalos, AfP, XII, стр. 40). Эпистратегия птолемеевского времени охватывает всю хору, исключая лишь Александрию, Птолемаиду и Навкратис (W. Otto, H. Bengtson, Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemäerreiches, München, 1938 (далее — Niedergang), стр. 8; Skeat, The Epistrategus Hippalos, стр. 41.

¹⁷ Как чрезвычайный судья в Pap. Lond., III — 610/146 гг. до н. э.

¹⁸ Bengtson, ук. соч., стр. 121.

¹⁹ Pap. Heidelb., 1281, 7—8 (конец III в. до н. э.).

²⁰ BGU, III, 992, col. I, 4 (II в. до н. э.). Очевидно, о нем идет речь и в так называемом Ratsprotokoll из Птолемаиды — SB, IV, 7403, 20 (время Птолемея II или III).

²¹ BGU, III, 992, col. II, 1.

²² H. Thompson, A family archiv from Siut, Oxf., 1934; Dem. Pap. Brit. Mus. 10591, Verso IV, стр. 54.

²³ E. Berneker, Die Sondergerichtsbarkeit im griechischen Recht Ägyptens, «Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte», Heft 22, Münch., 1935, стр. 6: «чрезвычайные суды — это учреждения, которые назначены государством не для исполнения судопроизводства вообще, или — учреждения, которым дано право судебного разбирательства (подсудность) только для таких процессов, вести которые поручено только им».

²⁴ Там же, стр. 65 и сл.

²⁵ P. Berl. Inv. 11306, 11309 (люди из Syene обращаются к этим судьям).

III в. до н. э.²⁶, в более позднее время прекратились²⁷. Правда, он допускает предположение, что в Птолемаиде могли существовать рядом с царскими судебными органами и полисные²⁸. Здесь и находились представители центральной, царской юриспруденции, полномочия которых распространялись на хору, но не на полноправных граждан полиса Птолемаиды. Их судебные распри разбирали ими самими выбранные судьи.

Значение Птолемаиды как административного центра Фиваиды выражается еще в том, что один из двух военных лагерей (ἑκαδρον), находящихся там, был расположен если не в самом городе, то в его окрестностях²⁹. Очевидно, эти лагеря — другой из них разместились в Крокодилополисе — были местами сосредоточения войск в Фиваиде³⁰, откуда солдат посылали в разные районы юга страны. Такая сильная централизация войск в Фиваиде не была случайностью — они должны были, во-первых, защищать южную границу страны, во-вторых, пресекать любую попытку центробежных сил в Фиваиде и в случае необходимости подавлять социальные смуты. Показателен также факт, что в римское время три из девяти когорт находились на юге страны³¹.

Роль Птолемаиды особенно повысилась после потери Египтом почти всех малоазийских владений и Сирии³². Южный торговый путь приобрел тогда огромное значение. Потребление в стране товаров, привозимых из Индии и Аравии, росло постоянно, многие из них через Александрию перепродавались другим странам Средиземноморья, особенно Италии. Но часть их достигала Александрии в готовом или полуобработанном виде и перерабатывалась в столичных ремесленных мастерских. Раньше импортные товары шли через Петру в Финикию, а оттуда — в дельту Нила. «Теперь, однако, эти грузы идут большей частью по Нилу в Александрию; из Аравии и Индии их везут в Миос Гормос, затем переправляют на верблюдах в Копт в Фиваиде, расположенный на Нильском канале, а потом — в Александрию»³³. Многие привезенные из-за границы товары попадали и в Птолемаиду, которая для них была важным перевалочным пунктом, а часть сырьевых продуктов, как и в Александрии, поступала в местные эргастерии³⁴, и затем в готовом виде продавалась или отправлялась даль-

²⁶ OGIS, I, 48; Pap. Thor, IV, 9 (относится, вероятно, к ἀγγεῖον).

²⁷ W. Schubart, Alexandrinische Urkunden aus der Zeit des Augustus, AfP, V, стр. 53.

²⁸ W. Schubart, Spuren politischer Autonomie in Ägypten unter den Ptolemäern, «Klio», X, стр. 54.

²⁹ Некий Дритон, который направил какому-то Боефону (Boethos) гипомнему, принадлежал к παρεφεδρεῖοντες ἐκ τοῦ ἐν Πτολεμαίδι νυνὶ ἐν Διοσπόλει τῇ Μικρᾷ. — Pap. Amh. II, 36 (135 г. до н. э.); παρεφεδρεῖν — zeitweilig garnisonieren. А в посвященной надписи с острова Фила (Philae) 118/17 гг. до н. э. наряду с эпистратегом и стратегом Фиваиды Деметрий называется [αἱ ἐν Πτολεμαίδι τεταγμέναι δυνάμεις πεζῆς καὶ ἱππικῆς καὶ ναυτικῆς] — SB, I, 3448.

³⁰ G. Plaumann, Ptolemais in Oberägypten, Lpz, 1910, стр. 32.

³¹ Strabo, XVIII, 42. В Египте 3 легиона и 9 когорт: 1 легион и 3 когорты — в Александрии, 2 легиона и 3 когорты разбросаны по всей стране, 3 когорты находятся в Сиэне.

³² Это было в конце III — начале II в. до н. э. Возникли некоторые существенные препятствия для египетской внешней торговли вообще, и для юго-восточной торговли в частности. Однако торговые отношения птолемеевского Египта с Востоком не прерывались. Во II в. до н. э., несмотря на эти затруднения, в юго-восточной торговле «заметны признаки известного прогресса сравнительно с III в. до н. э.» (М. М. Хвостов, История восточной торговли греко-римского Египта, Казань, 1907, стр. 342).

³³ Strabo, XVI, 4, 24.

³⁴ Зельин, ук. соч., стр. 231: «Крупные города Фиваиды были... и важными ремесленными и торговыми центрами, которые имели не только местное значение». Фиваида вообще была богатой сельскохозяйственной областью (крупное землевладение). Здесь находились важные месторождения строительных материалов: Вади Хаммамат около Копта, каменоломни Сиэны и Гертасси.

ше. Но из-за этого причислить город к категории «торговых эмпориев»³⁵ будет поспешным и недостаточно обоснованным выводом.

С перемещением торговых путей связано было некоторое расширение военных компетенций стратега Фиваиды³⁶. Так, например, в круг его обязанностей входила теперь и забота о безопасности караванного пути в Копт и вообще военный надзор над берегами Красного и Индийского морей³⁷. Начальники, командующие отрядами, которым была поручена защита идущих от Красного моря в Копт караванов, непосредственно подчинялись стратегу Фиваиды. Каллимах, один из эпистратегов и стратегов Фиваиды, был также ἐπὶ τῆς Ἐρυθρῆς καὶ Ἰνδικῆς θαλάσσης³⁸.

Эти дополнительные функции, возложенные на стратега Фиваиды, не только укрепили его независимое в некоторой степени положение в административном аппарате государства, но и усилили его влияние на город-полис Птолемаиду.

Во II в. до н. э. Птолемей, сознавая, как жизненно важен теперь для Египта южный торговый путь, усиливают для его защиты строительство стратегических объектов. Два папируса из Берлинского собрания говорят нам о постройке крепости (φρούριον) в Гераклеополисе³⁹.

Итак, значение Птолемаиды, этого единственного полиса, основанного Птолемеями в пределах Египта, весьма велико в тройном отношении: в политико-административном, военно-стратегическом и торговом.

Полисный характер Птолемаиды не подлежит никакому сомнению. Страбон, описывая юг Египта, выделяет ее государственное устройство по греческому образцу (σύστημα πολιτικὸν ἐν Ἑλληνικῷ τρόπῳ) как отличительную черту по сравнению с египетскими городами Фиваиды⁴⁰. Полноправные граждане собираются на народное собрание, где решают все важные дела, касающиеся города. Избираются буле и коллегия шести пританов (среди них, очевидно, γραμματεὺς τῆς βουλῆς⁴¹), во главе которой стоит ἀρχιπρότασις. Должностные лица выбираются ἐν ταῖς ἀρχαιεσσίαις⁴². Птолемаида имеет свои городские δικαστήρια⁴³.

Народное собрание вместе с буле принимает свои решения — ψηφίσματα⁴⁴; предложения могут вносить коллегия пританов⁴⁵ или отдельный полноправный гражданин⁴⁶. Решения совета и буле являются средством урегулирования всех внутрисполитических дел. Таким же решением изменяется и городская конституция (пассивное избирательное право)⁴⁷. И раннепто-

³⁵ M. Rostowzeff, Zur Geschichte des Ost- und Südhandels im Ptolemäischen Ägypten, AfP, VI, 1908.

³⁶ М. М. Хвостов верно отмечает, что торговля на юге Египта, включая и страны по Верхнему Нилу, «без правительственной защиты развиваться не могла» (Хвостов, ук. соч., стр. 48).

³⁷ «Klio», X, стр. 54, прим. 2; отношение к этому надзору над берегами Красного и Индийского морей имеют те ναυτικοί, о которых упомянуто в Pap. Amh. II, 36.

³⁸ OGIS, I, 132 (130 г. до н. э.); 186 (62 г. до н. э.); 190 (91 г. до н. э.); SB, II, 2264 (I в. до н. э.).

³⁹ H. Zilliacus, Vierzehn Berliner Griechische Papyri, Societas Scientiarum Fennica, Commentationes humanorum litterarum XI, 4, Helsingfors, 1941, № 1, 4 сл.; № 2, 83 сл. — τοῦ κτιζομένου φρουρίου ἐπὶ τοῦ κατὰ Ἡρακλείου πόλιν ὄρου.

⁴⁰ Strabo, XVII, 1, 42.

⁴¹ Plaumann, Ptolemais in Oberägypten, стр. 18.

⁴² OGIS, I, 48 (240—139 гг. до н. э.).

⁴³ Там же; Pap. Thor. IV, 9.

⁴⁴ OGIS, I, 47, 48; OGIS, II, 728; SB, 7286: ἔδοξεν τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ.

⁴⁵ OGIS, II, 728 (238—137 гг. до н. э.): προτάσεων γνώμη.

⁴⁶ OGIS, I, 48: Ἐρμῆς Δόρκωνος Μεγίστους εἶπεν.

⁴⁷ OGIS, I, 48; Плауманну эта надпись служит примером того, что гражданский коллектив Птолемаиды имел свободу изменять конституционные основы своего города. Это довольно прозрачная свобода, если учесть, что реформа, о которой идет речь в над-

лемеевский текст о приеме во фратрию, — очевидно, $\psi\phi\sigma\mu\alpha$ ⁴⁸. Другое постановление содержит брачные законы города Птолемаиды⁴⁹. Решения народного собрания и буле содержат акты дарения гражданского права⁵⁰ и почестей (общественное питание, награждение венком и т. д.), оказывавшихся тому или иному лицу. Псефисмата — основа общественной жизни в Птолемаиде, они имеют силу закона и постоянно дополняют πολιτικοὶ νόμοι , по своему характеру отличающихся от царских νόμοι . Политическая общность людей, организованная на более или менее демократических началах, т. е. в полисе, сама выработала себе законы, которые, однако, нуждались в утверждении царем. Их поле применения, естественно, ограничивается территорией полиса. Вне ее формально они теряют свою силу⁵¹.

Из городских должностных лиц в Птолемаиде мы знаем θεσμοφύλακες ⁵², которые, по-видимому, следили за частным правом, и гимнасиарха⁵³. Город имел свой архив — δημόσιον ⁵⁴, свой театр⁵⁵ и пританей с προστάς ⁵⁶. Птолемаида жила оживленной культурной жизнью: устраивались агоны⁵⁷, существовало общество, объединяющее актеров ($\text{τὸ κοινὸν περὶ τὸν Διόνυσον τεχνιτῶν}$ ⁵⁸). Был даже такой формальный атрибут полиса, как городская стена⁵⁹.

Полис Птолемаида формально не подчинялся непосредственно административной власти стратега, также и эпистратега Фиваиды⁶⁰. Он как самостоятельная, самоуправляющаяся политическая единица поддерживал прямую связь с центральным аппаратом управления в Александрии.

В надписи 76/75 г. до н. э. из собрания Голенищева содержится акт дарения асилии и ателии храму, воздвигнутому эпистратегом⁶¹ Каллимахом в честь богини Исиды. Царский указ об этом дарении направляется непосредственно полису. Местные представители царской власти в Фиваиде в документе не названы. Послание царя минует их. Очевидно, граждане Птолемаиды обратились к царю с просьбой о дарении новопостроенной святыне асилии и ателии (в надписи упоминается их ἀπαγγελία). Он, в свою очередь, в вежливой форме сообщает городу через посланца Феона⁶² о своем решении. Такая форма дарения асилии и ателии отличается от общепринятой практики по отношению к храмам в хоре, там выполнение такого

писи, в конечном итоге не приводит к расширению конституционных свобод, а наоборот, их суживает — в угоду интересам центральной власти, вопреки желанию демократически настроенной части граждан.

⁴⁸ Par. Hibeh, I, 28.

⁴⁹ Par. Fay. 22: [$\text{Ἐδοξεν Πτολεμαίου τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ}$] — так восстает Шубарт.

⁵⁰ OGIS, I, 47 (285—247 гг. или 247—221 гг. до н. э.) — ἐπὶ δύο ἐκκλησίας ; OGIS I, 49 (245—221 гг. до н. э.).

⁵¹ Как показывает практика, их порой принимают во внимание царские судебные органы.

⁵² Par. Fay. 22.

⁵³ SB, II, 2264.

⁵⁴ Е. М. Придик, Греческие надписи из коллекции В. С. Голенищева, ЖМНП, 1908, 1, стр. 7, надпись № 9. В SB, IV, 7403, 13 и в Par. Fay. 22 городской архив называется ὁ κιβωτός .

⁵⁵ OGIS, I, 49, 7.

⁵⁶ OGIS, I, 51, 22; OGIS, I, 49, 12.

⁵⁷ OGIS, I, 49, 1 + 13.

⁵⁸ OGIS, I, 50 (конец правления Птолемея II); I, 51 (243 г. до н. э.).

⁵⁹ Придик, ук. соч., № 9, сткк. 16/17: $\text{μέχρι τοῦ τείχους τῆς πόλεως}$ OGIS, I, 52: $\text{ἐκτὸς τείχους τῆς πόλεως}$.

⁶⁰ Bengtson, ук. соч., стр. 125.

⁶¹ Придик, ук. соч., № 9. В этой надписи он только стратег, в других — стратег и эпистратег (SB, II, 2264; III, 4084; OGIS, I, 186; 190).

⁶² Е. М. Придик (ук. соч., стр. 15) считает, что Феон был стратегом Фиваиды. Плауманн (Ptolemais in Oberägypten, стр. 38) не согласен с этим предположением и видит в нем чиновника центральной власти в Александрии (ὑπομνηματογράφος). По-видимому, не правы оба. Вероятнее всего, что Феон был просто временным поверенным царя и в тот момент выполнял его специальные поручения.

рода царских приказов поручается стратегам. Непосредственное обращение царя к Птолемаиде подчеркивает особое положение полиса в системе общегосударственного управления.

Хотя надпись относится к I в. до н. э., такую практику обращения царя с полисом Птолемаидой можно предположить и в III в. до н. э., тем более если считать, что политическая самостоятельность греческих общин при последних Птолемах немного ограничивалась. Первые Птолемеи с большим уважением относились к формам политической автономии в их государстве⁶³.

От III в. до н. э. сохранилась надпись, в которой идет речь о царском посланце Антифиле (OGIS, I, 49). Хотя о конкретном его поручении мы ничего не знаем, можно все же заключить, что практика общения царя с Птолемаидой была такой же, как в I в. до н. э., т. е. непосредственная связь центральной власти с полисом Птолемаидой налаживалась через царских поверенных лиц. Они осведомляли граждан города о намерениях и желаниях царя, передавали его приказы. Царские распоряжения, очевидно, прошедшие буле и народное собрание, где они естественно были приняты или лишь в самом незначительном смысле изменены, становились *ψηφίσματα*. Стремясь доказать свое лояльное отношение к царю, свою готовность выполнять его приказы и желания, граждане города осыпают царских посланцев всякими почестями. Упомянутого Антифила решили принять в гражданский коллектив, чтобы показать этим свое рвение и усердие в приеме «приходящих от царя» (*ὅπως φαίνεται ἡ πόλις φιλοτιμῶς καὶ ἀξίως ὑποδεχομένη τοὺς παρὰ τοῦ βασιλέως παραγινόμενους* — сткк. 4—6). Награждение его венком из плюща состоялось именно в ежемесячный день имени Птолемея III Эвергета, «в 25-й день царя ради почтения к царю» (*τῇ πέμπτῃ καὶ εἰκάδι τῇ τοῦ βασιλέως ἡμέρᾳ φιλοτιμίας ἔνεκα τῆς εἰς τὸν βασιλέα* — сткк. 8—10). Кроме того, награжденному и его потомкам пожизненно обещивалось содержание за счет города и одно из почетных мест во время агоней (OGIS, I, 49).

Постановления города Птолемаиды дают нам примеры подчеркнутого заискивания перед верховной властью. В одном таком постановлении (OGIS, I, 47) заслуги некоего Никомеда перед царем называются ранее его заслуг по отношению к Птолемаиде. В почетном декрете объединения актеров, посвященном *Λυσίμαχος Πτολεμαίου Σωστράτους*, гиппарху и притану *διὰ βίου*, восхваляется его преданность царю. О каких-либо заслугах Лисимаха перед городом нет и речи, несмотря на то, что его портрет должен будет украшать, согласно надписи, переднюю пританею.

Следующий документ, который помогает определить место полиса Птолемаиды в системе управления Египтом, — это папирус из Дублинского собрания, состоящий из двух фрагментов⁶⁴. В начале первого фрагмента, который расчленен на несколько частей, помещен текст прошения (*ἐντεύξις*) о рассмотрении законности права гражданства города Птолемаиды для какого-то лица. В общем *ἐντεύξεις* могут быть направлены только царю, а не непосредственно городским властям, которым данная *ἐντεύξις* направляется в уже подписанном виде, о чем говорит *ὁπογραφή* в стк. 5⁶⁵. Затем (сткк. 6—8) следует заметка о том, что *Λ.θ Γορτίεῖοι β' Αἰγ[υπτίῳ] δὲ...* *ἐπὶ πρυτάνεων* Διο [... был получен письменный ответ на поданное прошение. Сам ответ, где признается, что данное лицо пользуется гражданским правом на законной основе, содержат сткк. 9—16 первого фрагмента. По

⁶³ Schubart, ук. соч., стр. 70.

⁶⁴ Фрагменты опубликованы в «Klio», XIII, 1913 (G. Pl a u m a n n, Ein Ratsprotokoll von Ptolemais — характеристика документа в качестве протокола неправильна), в AfP, VI, 1913, стр. 274 сл. и в SB, IV, 7403.

⁶⁵ U. W i l s k e n, AfP, VI, 1913, стр. 276.

Плауманну, сткк. 6—8 представляют прескрипт к собственно документу ⁶⁶, который он определяет как «ἀντίγραφον из протокола заседания городского совета Птолемаиды» ⁶⁷.

Выяснению настоящего характера документа, очевидно, поможет замечание Вилькена, что именно высокие царские чиновники обычно датируют свои документы в двух летоисчислениях: в македонском и египетском ⁶⁸, что мы и видим в прескрипте к ответу на прошение. Так как и ἐπὶ πρωταγέων свидетельствует против предположения, что ответ на ἐντεύξις является постановлением народа или совета ⁶⁹, то следовательно, сткк. 6—8 не могут быть прескриптом к последующему тексту. Они носят самостоятельный характер. В них зафиксировано время, когда был получен ответ на ἐντεύξις, направленную городским властям или непосредственно из царской канцелярии или через другое государственное учреждение. Оба фрагмента папируса, по всей вероятности, исходят из какого-то государственного архива, может быть, из архива при канцелярии фиваидского стратега. Очевидно, какой-то человек, нуждающийся в подтверждении своих прав гражданина города Птолемаиды, обращается к ἐντεύξις к царю, чтобы тот, в свою очередь, содействовал выяснению спорного вопроса. "Εντεύξις направляется городским властям Птолемаиды, а полученный от них положительный ответ регистрируется по принятому в эллинистическом Египте летоисчислению, с добавлением еще имен председателя коллегии пританов и секретаря совета. Здесь возникает вопрос, почему в деле гражданского права заинтересованное лицо не обращается непосредственно к городу, а сначала к царю? Напрашивается только одно предположение, а именно, что составитель ἐντεύξις — царский чиновник, и так как вопрос о гражданстве был спорным, он был вынужден через царя, через эту высшую для него инстанцию, обратиться к полису Птолемаиде.

Все это подчеркивает то особое место, которое город занимал в общегосударственном управлении Египта. Государственные лица, исключая специальных уполномоченных, без ведома царя не имели права вступать в какие-то деловые отношения с полисом Птолемаидой. Разбираемые нами документы доказывают, что в случае необходимости связь центральной власти с Птолемаидой осуществляется прямо при помощи царских посланцев, минуя непосредственных представителей египетского царя в Фиваиде.

Отдельный полис на юге страны, разумеется, не представлял опасности для целостности государства, тем более, что был опорой центральной власти в Фиваиде. Но все же контроль над его политической (и экономической) жизнью центральной власти казался необходимым. Государственное наблюдение за Птолемаидой осуществлялось довольно открыто. Были, кроме того, еще и другие замаскированные формы такого контроля.

Сеймур де Риччи развеял, наконец, тот туман, которым была окутана долгое время надпись Πτολεμαῖος στρατηγὸς πόλεως (OGIS, II, 743). Местом ее происхождения он определил Птолемаиду ⁷⁰. Итак, в Птолемаиде на-

⁶⁶ Если эти строки были, как считает Плауманн, прескриптом к последующему ответу города на ἐντεύξις, то речь шла бы в нем об отправлении этого ответа. Но они не являются прескриптом к данному ответу. Поэтому отпадают и все те выводы, которые Плауманн сделал на основе оценки роли совета в политической жизни Птолемаиды («Klio», XIII, 1913, стр. 312).

⁶⁷ P l a u m a n n, «Klio», XIII, 1913, стр. 310.

⁶⁸ W i l s k e n, AfP, VI, 1913, стр. 277.

⁶⁹ P l a u m a n n, «Klio», XIII, 1913, стр. 310. Чтобы удовлетворить ἐντεύξις, не требуется специального постановления совета, а лишь проверка фактов. Не совсем ясно, кто проводил ее.

⁷⁰ S e y m o u r d e R i c c i, La stratégie d'Alexandrie et la stratégie de Ptolemais, Raccolta in onore di G. Lumbroso, Milano, 1925, стр. 229 сл. На основе данных Wilbour он доказал, что в 1887 г. надпись находилась в Menschiye, на месте античной Птолемаиды.

ходился прямой представитель центральной власти, царский стратег города. Хотя надпись относится к позднептолемеевскому времени⁷¹, можно с полным правом предполагать, что и раньше в Птолемаиде существовала должность стратега города. Аналогия с Киреной бросается в глаза⁷². Думается, что Птолемей I, основывая на юге Египта греческий полис, активно участвовал в составлении его государственных основ. Очевидно, городские законы, выработанные гражданами Птолемаиды, были приняты лишь после того как их просмотрел и одобрил царь. В Кирене дело обстояло иначе. Кирена — полис с вековой историей и с давно сложившимися устоями политической и общественной жизни. Птолемей I, подчинив его своему влиянию, был вынужден реформировать конституционные порядки города, приспособить их к новой политической ситуации, опираясь при этом на консервативные олигархические элементы в Кирене. Птолемаида же основана самим Птолемеем I, притом с определенной целью. С самого начала было ясно, что полис не может быть внутренне и внешне самостоятельным в полном смысле этого слова, а входит как политическая единица в сильно централизованное государство, власти которого он и должен целиком подчиняться. Греческий город получил с царского соизволения те немногие привилегии внутренней автономии, которые сейчас принято называть полисным устройством (эллинистического времени). Разумеется, что Птолемей I установил в основанном им полисе такие порядки, чтобы твердо держать город в своих руках. Так, наверное, еще он учредил в Птолемаиде должность царского стратега города. Может быть, египетский царь взял эту должность формально на себя, а в действительности посылал для ее исполнения своих представителей в Птолемаиду. Они, очевидно, причислялись к тем *παρὰ τοῦ βασιλέως* [παρά]γενόμενοι, о которых речь идет в надписи OGIS, I, 49, 3 сл.⁷³

Об отношении стратега города к полисным магистратам, к сожалению, ничего не известно. Видимо, он следил за выполнением гражданами Птолемаиды всех приказаний или «желаний» царя и за тем, чтобы они не решались ни на какие поступки, идущие в разрез с общей государственной политикой или неподобающие городу. Если мы допустим, что царский стратег в Птолемаиде, как и другие стратеги в Египте, выполнял еще функции *ἐπὶ τῶν προσόδων*⁷⁴, то он играл в городской жизни чрезвычайно важную роль. Хотя Птолемеи имели в лице *ὁ στρατηγὸς τῆς πόλεως* прямого представителя центральной власти в Птолемаиде, исключительной задачей которого было наблюдение за политической жизнью города, египетские цари не отказывались от более скрытых форм государственного контроля. Весьма интересно и показательно выделить все те нити, которыми город Птолемаида, несмотря на его кажущуюся автономию, был связан с центральным аппаратом управления. Каждая отдельная связь может казаться незначительной, но в совокупности все они надежно и неотделимо привязывают греческий полис к государственному кораблю.

Все царские чиновники, упомянутые выше, в руках которых находилось управление Фиваидой и местом пребывания которых была Птолемаида, не держались в стороне от городских дел и часто наряду со своими общегосударственными функциями исполняли еще городские должности. Лисимах, сын Птолемея из дема Состратеев, секстетарь городского совета

⁷¹ Судя по форме письма, I в. до н. э.

⁷² Там непосредственный представитель царя в городе, правда, назывался не стратегом, а *ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως τεταγμένος*.

⁷³ Bengtson, ук. соч., стр. 129.

⁷⁴ U. Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, Bd. I/1, Lpz—B., 1912, стр. 149; W. Kunkel, Verwaltungsakten aus spätptolemäischer Zeit, AfP, VIII, 1927, стр. 178.

(OGIS, II, 728), — почетном декрете объединения актеров назван ὁ ἱπάρχης καὶ πρύτανις διὰ βίου⁷⁵. А некий Деметрий, ὁ συγγενὴς καὶ ἐπιστράτηγος καὶ στρατῆγος τῆς Θηβαίδος καὶ γραμματεὺς τῆς βουλῆς⁷⁶, посвящает на острове Филэ алтарь Πανὶ Εὐόδωι и богу Сотеру⁷⁷ (полисный культ Птолемея). В обоих случаях военный чин совмещается с городской должностью. Особенно ярким и наглядным примером такого проникновения государственных чиновников в управление городом служит надпись SB, II, 2264, которая относится к 78 г. до н. э. Стратег и эписстратег Фиваиды Каллимах является председателем коллегии пританов и кроме того гимнасиархом, — значит, в одних руках одновременно были сосредоточены две высшие должности — царская и городская. Каллимах был стратегом и эписстратегом Фиваиды до 51 г. до н. э.⁷⁸, и можно предположить, что он не только в 78 г. до н. э. состоял членом коллегии пританов в Птолемаиде. Такая комбинация различных должностей, — а он к тому же был еще ὁ ἐπὶ τῆς Ἐρυθρᾶς καὶ Ἰνδικῆς θαλάσσης⁷⁹, — не случайность. Именно в I в. до н. э. эта концентрация власти в руках непосредственного представителя царя на юге Египта в силу названных выше причин стала крайне необходимой. Интересна и другая связь представителя центральной власти в Фиваиде с полисом Птолемаидой. Гиппал, один из τῶν πρῶτων φίλων и эписстратег, исполнял в городе обязанности жреца Птолемея Сотера (ἱερεὺς Πτολεμαίου Σωτῆρος)⁸⁰. Этот культ нельзя смешивать с культом Θεὸς Σωτήρ, культом основателя полиса⁸¹. Последний носил чисто городской характер, первый же как государственный культ имеет значение эпонима для всей Фиваиды. Жрецы культа Птолемея I и других Птолемеев назначались, очевидно, в Александрии. Местом отправления культа была Птолемаида.

Царские чиновники, которые выполняли в Птолемаиде какие-то городские функции, должны были, конечно, иметь гражданское право города, иначе они, лишённые юридической основы, не могли бы в полисе выполнять политические задачи; видимо, им заранее предоставлялось право гражданства Птолемаиды⁸².

Сопоставим ещё раз общегосударственные (или царские) и городские должности:

1. Лисимах: гиппарх, πρύτανις διὰ βίου (OGIS, I, 51), γραμματεὺς τῆς βουλῆς (OGIS, II, 728).

2. Деметрий: эписстратег, γραμματεὺς τῆς βουλῆς (SB, II, 3448).

3. Каллимах: эписстратег, ἀρχιπρύτανις, γυμnasiάρχος (SB, II, 2264).

Получается, не смотря на немногочисленность фактов, весьма интересная картина. Предпочтение дается должностям секретаря совета и притана, и в этом ничего удивительного нет, ибо в руках пританов было сосредоточено все делопроизводство Птолемаиды. В их обязанности входило:

1. Созывать ἐκκλησία, когда надо принимать какие-либо решения.

2. Председательствовать на заседаниях буле и народного собрания⁸³.

⁷⁵ OGIS, I, 51 (267—243 гг. до н. э.).

⁷⁶ Плауманн восстанавливает γραμματεὺς τῆς βουλῆς (Ptolemais in Oberägypten, стр. 28).

⁷⁷ SB, II, 3448 (118/17 г. до н. э.).

⁷⁸ Последний раз о нем упомянуто в OGIS, I, 190 (51 г. до н. э.).

⁷⁹ SB, II, 2264 (78 г. до н. э.); III, 4084 (62 г. до н. э.); OGIS, I, 186 (62 г. до н. э.); 190 (51 г. до н. э.).

⁸⁰ OGIS, I, 103 (176/75 г. до н. э.). С апреля 185 по март 169 г. до н. э. сохранились списки эпонимов города, среди которых и упоминается Гиппал. Феомнест, стратег Фиваиды, отправлял в 172/71 г. до н. э. в Птолемаиде должность жреца Птолемея VI Филометора.

⁸¹ P l a u m a n n, Ptolemais in Oberägypten, стр. 51.

⁸² OGIS, I, 47 — некий Никомед получает гражданское право ἐπὶ δύο ἐκκλησίαις OGIS, I, 49 — царскому посланцу Антифилу также дарят право гражданства.

⁸³ P l a u m a n n, Ptolemais in Oberägypten, стр. 18, прим. 1.

3. Вносить предложения в ἐκκλησία и обсуждать их предварительно (OGIS, I, 728).

4. Исполнять постановления народного собрания и совета (зачислять нового гражданина в дем и филу)⁸⁴.

5. Следить за поведением граждан и карать их согласно законам⁸⁵.

Отдельные члены этой коллегии⁸⁶ имели еще свои специфические задачи: один из них руководил ею⁸⁷, а γραμματεὺς τῆς βουλῆς нес ответственность за записывание декретов (OGIS, I, 49) и, очевидно, заведовал списками граждан. Вероятно, он стоял во главе городского архива⁸⁸.

Пританы в Птолемаиде были не просто коллегией городских должностных лиц, но руководящим органом, возглавляющим совет⁸⁹. Нельзя ни в коем случае недооценивать значение пританов в политической жизни полиса Птолемаиды. Надпись OGIS, I, 48 ярко подчеркивает ту руководящую роль, которую они фактически играли в городе, проливает также некоторый свет на отношения города с центральной властью. Кроме того, надпись свидетельствует о политической активности птолемаидских граждан и лишает основы мнение А. Б. Рановича, что самоуправление Птолемаиды «сводилось, главным образом, к организации культа Птолемеев»⁹⁰. Наоборот, она — пример того, что гражданский коллектив греческого полиса на юге Египта не относился безучастно к форме внутреннего самоуправления и заботился о сохранении хотя бы частичной и пусть кажущейся, но все-таки независимости от царского двора в Александрии.

Пританы были свидетелями того, как какие-то граждане «умышленно вызывали беспорядок на заседаниях совета и в народных собраниях, особенно же на выборах должностных лиц доходили до насилия и бесчестия» (ὁρῶντες τινὰς τῶν πολιτῶν [μὴ] ὁρθῶς ἀναστρέφομένους καὶ θόρυβον οὐ τὸν τυχόντα παρ[έχ]οντα ἐν ταῖς βουλαῖς [καὶ] ἐν ταῖς ἐκκλησίαις, [μ]άλιστα δὲ ἐν ταῖς ἀρχα[ι]αῖς μέχρι βίας καὶ ἀσ[ε]βείας προσηλυθότας)⁹¹. Причины, которые привели к столь бурным происшествиям в Птолемаиде, остаются для нас не известными, хотя о них можно в какой-то мере догадываться. Недаром в надписи обращено внимание на то, что именно на выборах должностных лиц возмущение части гражданства Птолемаиды достигло кульминационного момента. Выше было показано, что многие представители царской администрации занимали городские должности; совмещение должностей, очевидно, стало уже системой, поощряемой центральной властью, так как ей таким образом удавалось, заняв легальные позиции в аппарате управления городом, без особого труда проводить в нем свою политическую линию, а полисную автономию подорвать изнутри. Но подобное совмещение должностей вызывало серьезные опасения граждан Птолемаиды относительно истинного характера автономии родного полиса. Их недовольство явной опекой со стороны египетского царя вылилось, наконец, в открытый протест. Пританы решили наказать участников этих выступлений, «вследствие чего город оказался весьма соблюдающим законы» (δι' ὃ συμβέβηκεν τὴν πόλιν εὐνομωτέραν γέγονέναι). Под этими законами надо меньше всего понимать сами городские законы, а именно те сложившиеся

⁸⁴ OGIS, I, 49: καὶ τοὺς πρυτάνεις καταχωρίσαι [αὐτὸν εἰς φυλὴν] Πτολεμαῖδα καὶ δῆμον Β[ερ]ε[ν]ικέα.

⁸⁵ OGIS, I, 48: κολλάζον[τ]ε[ς τοῖς] ἐκ τῶν νόμων ἐπιτίμοις.

⁸⁶ Их было шесть. К ним принадлежал и секретарь совета (P l a u m a n n, Ptolemais in Oberägypten, стр. 18).

⁸⁷ OGIS, I, 48; πρυτάνεις οἱ σὺν Διονυσίῳ Μουσείῳ.

⁸⁸ P l a u m a n n, Ptolemais in Oberägypten, стр. 19.

⁸⁹ Там же, стр. 17.

⁹⁰ А. Б. Ранович, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 189.

⁹¹ Плауманн перево дит θόρυβον οὐ τὸν τυχόντα — recht beträchtlichen Lärm. Мне думается, что здесь лучше переводить: «неслучайно, умышленно».

традиционные отношения между городом и центральной властью, которые, что вполне возможно, могли бы быть зафиксированы в письменной форме и лежали как составная часть в основе конституционных порядков Птолемаиды.

В городе, очевидно, столкнулись две группировки: одна — олигархическая, проптолемеевская, другая — демократическая, антиптолемеевская. Показательно, что в ответ на эти события принимается решение ἐξ ἐπιλέκτων ἀνδρῶν τὴν βουλὴν [καὶ τὰ] δικαστήρια αἰρεῖσθαι. Явное ограничение демократических прав граждан и означает усиление олигархического элемента в городе, что было выгодно Птолемаем, т. е. центральной власти. Это вызывает новое возмущение в Птолемаиде. Особенно остро реагируют νεώτεροι (очевидно) более молодые граждане, не имевшие права быть избранными в магистратуру, и граждане, οἱ αἰροῦμενοι βέλτιον πολιτεύεσθαι (которые желали лучшего управления государством). Вся эта политическая обстановка, неурядица вынуждала названных в надписи пританов брать все управление государственными делами, вероятно лишь на время, исключительно на себя, чтобы, как в документе говорится, принести пользу городу. Так как коллегия пританов занимала в полисном управлении ключевое место, вполне вероятно, что представители царской власти в Фиваиде чаще всего были пританами и секретарями совета. Не совсем правильно считать, что все пританы без исключения избирались только на один год и что название διὰ βίου (OGIS, I, 50; 51) — лишь почетный титул⁹².

Имея в виду повышенный интерес центральной власти к этой коллегии должностных лиц, можно предположить, что это было не совсем так. Нам известны три надписи, в которых Λυσίμαχος Πτολεμαίου Σωστρατεύς фигурирует как притан или секретарь городского совета⁹³. Притан Διονύσιος Μουσαίου также встречается в трех документах почти одного и того же времени⁹⁴. Из этого следует, что коллегия пританов не избиралась только на один год. Пританы в Птолемаиде могли выполнять свои функции несколько лет подряд, некоторые из них даже пожизненно. Назначая своих кандидатов в коллегия пританов, египетский царь сохранял за собой в аппарате управления городом место для осуществления влияния на политику полиса в желаемом направлении.

Несмотря на автономию, Птолемаида занимает в системе государственного управления свое особое место по сравнению с другими поселениями городского типа, что подчеркивается прямым обращением царя к городу. Это не значит, что связь «царь — полис» была равноправной. Фактически греческий город полностью зависел от центральной власти, которая открыто, через непосредственного представителя в нем — стратега города — осуществляла на месте верховную власть. Кроме того, жизнь гражданского коллектива Птолемаиды контролировалась царскими чиновниками, занимавшими важные городские должности, так что аппарат городского управления в действительности находился в руках египетского царя.

⁹² P l a u m a n n, Ptolemais in Oberägypten, стр. 18.

⁹³ OGIS, I, 51 (243 г. до н. э.); SB, IV, 7403 (девятый год Эвергета I — 239/38 г. до н. э.); OGIS, II, 728 (десятый год Эвергета I — 238/37 г. до н. э.).

⁹⁴ OGIS, I, 48 (240/39 г. до н. э.); 50 (239 г. до н. э.); SB, IV, 7403 (139/38 г. до н. э.). SB, IV, 7403: Плауманн (P l a u m a n n, «Klio», XIII, 1913, стр. 311) так восстанавливает сткк. 7—8: ἐπὶ πρυτάνεων Διονυσίου Μουσαίου καὶ τῶν σὺν αὐτῷ, γραμματέως τῆς βουλῆς Λυσίμαχος Πτολεμαίου. Вилькен (W i l k e n, AfP, VI, 1913, стр. 275) соглашается с датировкой, предложенной Плауманном (девятый год Эвергета I). Если мы исходим из того, что надпись SB, IV, 7403 датируется 239/38 г. до н. э., и если мы согласимся с сомнительным восстановлением ее 7 и 8 строк, то, естественно, отпадает более ранняя датировка надписи OGIS, I, 48 — 278/77 г. до н. э. — и OGIS, II, 728 — 276/75 г. до н. э., потому что эти надписи, в которых названы одни и те же лица, не может разделять промежуток времени около 40 лет. Все эти записи относятся к концу 40-х (OGIS, I, 51) или к началу 30-х гг. III в. до н. э. (OGIS, I, 48; 51; II, 728; SB, IV, 7403).

Автономия Птолемаиды была крайне ограниченной и не выходила за рамки некоторого внутреннего самоуправления. О самостоятельном государственном существовании полиса говорить не приходится, — целиком подчиняясь центральной власти, он прочно входил в состав птолемеевского Египта.

PTOLEMAIS AND ITS PLACE IN THE STATE SYSTEM OF PTOLEMAIC EGYPT

by Armin Ähne

The Greek polis Ptolemais was the political and economic centre of the Thebaid. Its function was to strengthen the weak and unstable ties between southern Egypt and the centre of state power in Alexandria. The author discusses the significance and special place occupied by this city in the administrative system of Ptolemaic Egypt as a whole.

Ptolemais had all the attributes of a Greek polis. Its political life was regulated mainly by a board of *prytaneis*. Among its citizens there were both democratic and oligarchical factions and factional strife between them. The central state authority maintained direct contact with Ptolemais through ambassadors. By means of the royal *strategos* of the city and royal officials who were also city officials Ptolemais was kept under firm and effective control.

Analysis of the «king-polis» tie leaves no doubt that this was not a relationship between equals. Ptolemais was in fact wholly dependent upon the central authority. Her limited autonomy did not extend beyond certain internal administrative powers.
